

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

«Ура! Свобода! Наконец-то каникулы... Целых три летних месяца впереди! Здорово как...» — легкомысленно пропела про себя Катя и подпрыгнула на ходу, пытаясь зацепить ветку сирени. Нет, не получилось. Бросив сумку с книжками в траву, снова подпрыгнула и уцепилась-таки за прохладную гроздь, подтянула тяжелую ветку, отломив небольшой отросток. Выскользнувшая из рук ветка тут же пружинисто и возмущенно рванулась вверх, словно не желая больше отдавать ни грамма кудрявой пахуче-нежной красоты. «А мне больше и не надо, чего ты... — вежливо извинилась перед ней Катя. — Мне для полного счастья и этой маленькой веточки хватит. Каникулы у меня! Понимаешь? Последние мои школьные каникулы...»

Сиренью зарос весь их маленький двор, примыкавший к старому трехэтажному кирпичному дому довоенной еще постройки. Ее ненавязчиво-мещанский аромат, смешиваясь с доносящимися из открытых окон запахами жарящейся картошки с луком и ядреных борщевых приправ, создавал

ВЕРА КОЛОЧКОВА

почему-то необыкновенное ощущение ясности и простоты жизни, понятной и повседневной ее прозрачности и некоего даже счастья... А кто сказал, что счастье не может пахнуть жареной картошкой с луком? Особенно в теплых майских сумерках, особенно в сиреневом дворе родного дома, где прошло твое детство...

Подняв из травы сумку с книгами, Катя весело перекинула ее через плечо и быстро пошла к своему подъезду — дома Соня ее заждалась, наверное.

— Катюш, ну где ты так долго? Я и ужинать не сажусь — тебя все нет и нет...

— Да мы с девчонками на дальний пруд ходили!

— Зачем?

— А проверили, можно там купаться или нет. Завтра же у меня каникулы начинаются, Сонь! Ох уж и накупаюсь!

— Вот и не знаю, придется ли тебе купаться-то, Кать. Неприятности у нас большие. Леночка звонила...

— А что такое? С детьми что-то? — испуганно обернулась к ней Катя.

— Нет, с ребятами все в порядке.

— Уф, слава богу! А что тогда?

— Да бросил ее этот придурок! Муж так называемый... Садись давай ужинать быстрее, я расскажу.

Катя прошла из маленькой прихожей в комнату, скинула с себя и бросила на кровать юбку и белую школьную блузку, натянула старенький

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

ситцевый халатик. Пошла было на кухню, но, встретив на пути мамин взгляд, улыбающийся ей укоризненно с большого портрета на стене, круто развернулась, достала из шкафа плечики и, торопливо расположив на них свою одежду, так же торопливо засунула ее в шкаф. «Видишь, я хорошая девочка...» — улыбнулась она в сторону портрета. Показалось, что и мама ей тоже улыбнулась. Как всегда, впрочем...

— Сонь, а как это — бросил? — заходя на кухню и сядя за покрытый клетчатой клеенкой стол, возмущенно спросила Катя. — С тремя детьми мал мала меньше разве бросают? Ты что, Сонь, так не бывает...

— Бывает, Катюшка, бывает, — грустно вздохнула Соня, ставя перед ней тарелку с рассыпчатой гречневой кашей и одиноко пристроившейся сбоку бледной молочной сосиской. — Говорила я ей — ненадежный он человек, трусовато-хлипкий какой-то... Вот тебе и пожалуйста! И как она теперь одна с детьми справится?

— Ну да... А что она? Плачет?

— Ну конечно, плачет. Ты же знаешь нашу Леночку. Сидит вся, горем убитая. А самое интересное — с понедельника детсад на ремонт закрывают. Обидно, Тонечка только-только начала привыкать... И на работе ей отпуска не дадут — она недавно совсем устроилась. Это еще за то спасибо, что взяли на хорошее место с тремя малышками!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Сонь, так давай ребят на лето к себе заберем, а? Я же на каникулах!

— Да я сначала тоже об этом подумала... Только знаешь, нельзя ее там одну оставлять, изведется совсем. Она ж над детьми трясется, как курица-наседка! В общем, придется тебе, Катюшка, свое последнее лето в няньках провести. Вот прямо завтра с утра и поезжай к ней, чтоб к понедельнику успеть! Я б и сама поехала, да отпуск все равно не дадут — годовой отчет на носу.

Соня вздохнула, поковыряла вилкой гречку, задумалась.

— Даже есть не хочу, Кать! Целый день на работе ничего не ела, и не хочу. Прямо как обухом по голове ударили! Ну вот скажи — что это за мужик такой? Злой, капризный, детей совсем не любит... Да лучше век в девках вековать, чем с такой сволочью жить.

— Да ладно тебе! — с трудом проговорила Катя набитым кашей ртом. — Подумаешь, горе! Другого найдет!

— Да, Катюшка. В твоём возрасте все море по колено! И я вот такая же была, пока с вами одна не осталась...

Уже ночью, лежа в постели, Катя и сама тихонько, чтоб не услышала Соня, всплакнула в подушку — так Леночку жалко... Такая она у них сирота безответная — никогда себя защитить не может. Это она в маму, наверное... Они-то с Соней точно в отца пошли — уж умеют за себя постоять.

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

Почему-то Катя была уверена, что характер ей достался именно отцовский, да и внешность тоже, если судить по большой, увеличенной в несколько раз фотографии, вставленной в красивую рамку и висящей над ее кроватью вместе с портретом матери.

Ей ровно год был от роду, когда родители погибли, оставив старшую дочь, двадцатитрехлетнюю Соню, с восьмилетней тогда еще Леночкой и с ней, с Катей, совсем еще, получается, крохой на руках. Довольно глупо погибли — сами навстречу смерти полетели. Соня рассказывала — как получили письмо из детдома с приглашением на встречу выпускников, так ни минуты не сомневались — решили обязательно лететь в тот далекий, богом забытый сибирский городок. И ее, маленькую, хотели с собой взять, потому как грудная еще была. А Соня не дала — поезжайте, говорит, сами по себе, отдохнете от нас. Вот и отдохнули... Разбился их самолет над сибирской тайгой — никого в живых не осталось. И пришлось бедной Соне перекраивать свою жизнь, то есть быть сестренкам и мамкой, и нянькой. Благо, что эту квартиру в их военном городке навсегда им отдали, как детям погибшего офицера, а то б куда она с ними делась, родственников-то — никого. И ничего, что однокомнатная. Им и втроем места в ней всегда хватало. Тем более Леночка после школы в другой город уехала, в институт поступила, а потом сразу на втором курсе замуж выскочила.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

А чтобы после гибели родителей их по детским домам распихать — Соня к себе такой мысли и близко не подпускала. Хватит того, что мама с папой в детдоме росли... Как определили их туда в пятилетнем возрасте, так они и не расставались никогда, до самой своей смерти. И любовь у них такая была, что все кругом завидовали. Соня с самого ее сиротского малолетства вместо положенных на ночь детских сказок только про маму-папу и рассказывала — какие они хорошие были, да как дружили, да как потом поженились, да как мечтали себе много-много детей завести... А чем не сказка? Такая любовь, как у них, только в сказках и бывает. И ничем она не хуже Иванушкиной-Аленушкиной...

Катя, когда говорить начала, Соню мамой называть стала. Потом, чуть позже, — мамой Соней. У нее и звучало одним длинным словом: Мамасоня. С тех пор так и привыклось — Мамасоня да Мамасоня...

— Эй, котенок, ты чего так сопишь подозрительно? Плачешь, что ли? — подняла вдруг с подушки голову Соня.

— Нет... — шмыгнув носом, промычала Катя.

— Да я же слышу... Ехать не хочешь, может?

— Хочу-у-у... Просто мне Ленку жалко...

— Да мне и самой жалко, Катюш! Но что теперь сделаешь? Мне вот он сразу не к душе пришелся, Толик этот, когда она его знакомиться привозила. А потом, когда близнецы родились,

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

я уж и смирилась... Что ж, думаю, раз двое детей сразу... А потом еще и Тонечка на свет появилась! Ленка так радовалась тогда... Помнишь, как сказала? Хочу, говорит, чтоб у меня тоже трое детей было, как у мамы с папой... Вот так сама и сказала — не у нас с Толиком, а у меня... Так теперь и оказалось...

Соня всхлипнула вдруг и тоже расплакалась, уткнувшись в подушку, горестно заходила полными плечами. Катя, подскочив на кровати, тут же кинулась к ней, обхватила за голову и, развернув к себе Сонино лицо, начала покрывать быстрыми поцелуями мокрые от слез ее щеки:

— Мамасоня, ну что ты! Не надо, не плачь... Вот еще, будем мы из-за него плакать! Не справимся, что ли? Если что — к себе ее заберем, все вместе вырастим и Сеньку, и Веньку, и Тонечку.

— Да справимся, конечно, Катюш... Не о том я плачу... Просто я ж хотела, чтоб вы обе счастливы были! Чтобы образование получили, чтобы семьи у вас были хорошие. Раз на меня с двумя детьми на руках никто не позарился, вот я и хотела, чтоб у вас все хорошо сложилось, вроде как в компенсацию. Леночка-то поторопилась замуж... Что ж это — на третьем курсе уже родила! Хоть институт окончить удалось — и то слава богу. Специальность у нее хорошая, худо-бедно прокормится. Да и я всегда помогу... А ты на ее ошибках учишься, Катюшка!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Мамасоня, ну какие такие у Ленки ошибки? Да ну его вообще, этого ее Толика... Не плачь! Лучше расскажи мне сказку про маму-папу...

— Ой, ты что, маленькая, что ли? — рассмеялась сквозь слезы Соня. — Семнадцать лет девке, а она все сказку просит. И не стыдно тебе?

— Нет... Ни капельки... — устраиваясь под ее теплый бок, сонно проговорила Катя. — Давай, начинай.

— Ну ладно, слушай. Да и засыпай быстрее — утром тебе рано на поезд вставать. И в поезде смотри не выходи на остановках... Вообще, страшно мне тебя одну отпускать, да что делать? — вздохнула протяжно Соня, накрывая ее одеялом и проводя рукой по густым рыжим волосам. — Ну вот, значит жили были мальчик с девочкой, и не было у них мамы и папы...

* * *

Сойдя ранним утром с поезда и выйдя на при вокзальную площадь, Катя обнаружила вдруг, что совершенно не помнит ни номера автобуса, идущего в сторону Ленинского дома, ни названия остановки, на которой ей надо выходить. А там еще где-то и пересадку делать надо... И немудрено, что не помнит — одна к Лене никогда не ездила, всегда вместе с Соней. «Вот ворона!» — ругнула она себя коротко. И звонить Лене в такую рань не хотелось — всех детей переполошит. И Соне тоже

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

не хотелось. Соня ее как взрослую от себя отпустила, а тут вдруг звонок — заблудилась, мол... Нет уж. Сама доберется. Язык, он и до Киева доведет.

Она долго выясняла у двух разговорчивых старушек, как же ей все-таки доехать до улицы Комсомольской. Старушки охотно взялись за объяснения, но довольно специфически — отправляли ее в абсолютно противоположные стороны. Они даже повздорили между собой, при этом каждая стойко и до конца отстаивала именно свою версию Катиного маршрута. В конце концов Катя отошла от них и обратилась за помощью к девушке, которая быстро назвала ей номера нужных автобусов и даже название остановки сумела воспроизвести из невразумительных Катиных пояснений: «...там вроде бы универсам есть и еще несколько серых таких домов в ряд стоят...» Что ж, и правда — язык до Киева довести может.

Лена открыла ей дверь и тут же бросилась на шею — бледная, глаза опухшие...

— Ой, Катька! Как же я соскучилась! Как здорово, что ты приехала! Мне же через пятнадцать минут на работу убежать надо! Посидишь с ребятами, ага? Ой, какая же ты умница... А как похорошела-то! Прямо девица взрослая совсем.

Тут же с визгом кинулись ей в ноги Сенька с Венькой — обожаемые белобрысые близнецы. Один вцепился в правую Катину ногу, другой — в левую.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ой, уроните же! — смеясь, наклонилась к ним Катя. Обняла одного, обняла другого, прижала к себе — обычная счастливая суматоха.

— Венечка, Сенечка, тише, пожалуйста! Не кричите так — Тонечку разбудите, — суетилась вокруг них Лена. — Катенька, пойдём, я тебе все покажу-расскажу.

Лена, на ходу одеваясь, протараторила про сваренную манную кашу, про ключи в прихожей на гвоздике, про деньги, хранящиеся в восьмом томе собрания сочинений Чехова, про шортики-маечки-колготки, чмокнула Катю в щеку и умчалась на работу, погрозив ласково близнецам пальцем — чтоб тетю Катю слушались!

— Ну? — закрыв за ней дверь, развернулась Катя к Сеньке с Венькой. — Хозяйничать будем? Я смотрю, вы еще и не умывались.

— Умывались! Умывались! — в один голос завопили мальчишки, разбегаясь от нее в разные стороны.

— Так. Вперед в ванную! Шагом марш, быстро! — подхватив их под мышки, скомандовала Катя. — А потом на кухню — завтракать будем.

Посадив мальчишек за стол и поставив перед ними тарелки с манной кашей, она тихонько заглянула в комнату и тут же расплылась в радостной улыбке: Тонечка, проснувшись, стояла в своей кроватке, уцепившись ручками за решетку, смотрела на нее удивленными глазками-пуговка-

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

ми. «Какая большая стала...» — подумала Катя, подходя к ней и ласково протягивая руки.

— Привет, малышка моя! Ты проснулась, что ли? Ну, здравствуй, котенок! Ты меня помнишь? Я Катя, тетушка твоя.

Тонечка вдруг скуксилась, удивленно ее рассматривая, скривила подозрительно губки и задышала глубоко, вот-вот собираясь заплакать.

— Мама де? Мама де? — захныкала она, колотя по решетке кровати пухлой ручкой.

— А мама скоро придет, котенок! Совсем скоро! Ты меня не узнала, что ли? Я же тетя Катя... Ну? Иди на ручки! Вот так... Какая ты тяжелая стала! — проговорила ласково Катя, выуживая Тонечку из кровати. — Сейчас мы с тобой умоемся, потом кашки покушаем. И я тоже с тобой поем, я тоже голодная. Пойдем, Тонечка.

С малышкой на руках она зашла на кухню и — опа... Картина перед глазами предстала еще та, которая, что называется, маслом писана — довольные близнецы упоительно размазывали остатки каши по своим недавно умытым мордашкам. Она всплеснула свободной рукой, быстренько усадила засмеявшуюся Тонечку на высокий стульчик и снова потащила мальчишек в ванную. А вернувшись через пять минут, и Тонечку тоже застала за увлекательнейшим занятием — девчонка, схватив обеими ручками оставленный на столе пакет с манкой, с таким же упоением рассыпала ее по полу кухни.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— О боже... — рухнула на кухонный стул Катя, опустив в изнеможении руки. — И полчаса не прошло, как я с вами нянькаюсь, а будто уже целый вагонный состав разгрузила!

— Мама де? Мамы неть... — глядя на нее хитрющими глазками, пролепетала Тонечка и развела в стороны пухлые ладошки.

— Да уж, Тонечка, мамы твоей неть... — передразнила ее, смеясь, Катя. — Выходит, я буду по совместительству твоей мамой. Целых три месяца. Пока твой садик не откроют.

— Теть Кать, а когда мы гулять пойдём? — ворвались на кухню Сенька с Венькой, когда она закончила кормить кашей девочку.

— Гуля-а-а-ть? — уставилась на них расширенными глазами Катя. — Ой, я не знаю даже... А вообще, вы правы, мальчишки, — тут же протянула она, изучая содержимое холодильника, а вернее — любуясь его первозданной пустотой. — Вы правы, гулять обязательно надо идти, и гулять мы пойдём с вами в магазин, иначе нам обедать нечем будет. Идите одевайтесь пока!

Кое-как разобравшись с ребячьей одеждой и усадив Тонечку в летнюю раскладную коляску, они шумным табором вышли из дома. Сенька, конечно же, сразу побежал в одну сторону, а Венька — в другую.

— Сенька! Венька! Вы что? Я ж коляску водить не умею! Научите меня сначала! — тут же выкрутилась из ситуации Катя, разведя вполне досто-

Из жизни Мэри, в девичестве Поппинс

верно от «неумения» руки. — И магазин я не знаю где.

Мальчишки, заважничав, тут же вернулись к ней и, схватившись руками за коляску, дружно покатали ее по тротуару. «Все-таки как рано в мужчинах просыпается снисходительность к женской слабости, — совсем по-взрослому усмехнулась, глядя на них, Катя. — Надо будет научиться этим приемом пользоваться по прямому его назначению...»

— А мы знаем, где магазин, тетя Катя! Мы сейчас тебе покажем! — важно обернулся к ней Сенька.

— Ага! — подтвердил тут же его одинаковый братец. — Сейчас покажем!

Так и дошли они до большого супермаркета, важно катя коляску с Тонечкой впереди себя. «Ну вот, не так уж все и страшно, как показалось вначале, — обрадованно думала Катя, шагая за ними по тротуару. — Не такие уж они и маленькие — скоро по четыре года отмечать будем».

Однако радость ее оказалась преждевременной. В супермаркете, взяв Тонечку на руки, Катя со скоростью фокусника начала быстро кидать в большую тележку продукты — два пакета молока, творог, сыр, сосиски. Ага, вот полки с детским питанием.

— Девушка, это ваши дети? — вздрогнула Катя от строго-насмешливого голоса женщины в бело-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

красной клетчатой униформе. — Вы посмотрите, что творят!

С ужасом обернувшись, она увидела перемазанное шоколадом Венькино лицо. В руках он держал маленькую желтую коробочку — освобожденное от сладкой оболочки нутро киндер-сюрприза, изо всех сил пытаясь его открыть. А Сенька тем временем, аккуратно почистив банан, вонзил в него острые зубки.

— Ой, простите, ради бога! — испуганно проговорила Катя. — Веня, дай мне коробочку, я хоть до кассы дойду. Сенька, отдай банан немедленно... Ну пожалуйста, я на улице его тебе обратно отдам.

— Ты в няньках у них, что ль? — участливо спросила женщина, следя за ее суетой.

— Нет, я не в няньках. Я в тетках. Племянники это мои!

— Ну, тогда понятно. Да не суетись, пусть уж он ест этот банан. Я потом подойду к кассе, скажу.

Но и это было еще не все, что ждало ее в это утро. Подойдя с нагруженными пакетами к дому, Катя обнаружила вдруг, что забыла взять ключи от квартиры. Так они и остались висеть на гвоздике в прихожей, а дверь она просто захлопнула, выходя. И Тонечка, будто почувствовав ее растерянность, зашевелилась недовольно в коляске, захныкала требовательно, потянув к ней ручки. Опустив пакеты на асфальт, Катя взяла ее на руки